КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

ПО ТУ СТОРОНУ СХЕМЫ

У КАЖДОЙ СХЕМЫ ЕСТЬ ОБРАТНАЯ СТОРОНА

Данил Юрченко

По ту сторону схемы

«Автор»
2026

Юрченко Д.

По ту сторону схемы / Д. Юрченко — «Автор», 2026

Старое дело должно было остаться в прошлом. Но некоторые тайны слишком долго скрывались, чтобы исчезнуть бесследно.Когда расследование вновь обращает внимание на события прошлых лет, следователи и оперативники сталкиваются с цепочкой фактов, за которыми может скрываться нечто гораздо большее. Документы, доказательства, противоречивые версии и связи, уходящие глубже, чем кажется на первый взгляд.Майору Громову и его команде предстоит разобраться в запутанной истории, где каждая деталь имеет значение, а доверие становится непростым вопросом. Чем ближе они подбираются к истине, тем выше цена дальнейшего поиска.Кто стоит за скрытой сетью? Что осталось за пределами прежнего расследования? И какую цену придётся заплатить за правду?«По ту сторону схемы» — криминальный детектив с драмой и элементами служебного триллера о расследовании, людях, непростых решениях и тайнах, которые не хотят оставаться в прошлом.Иногда, чтобы увидеть правду, нужно заглянуть по ту сторону схемы.

© Юрченко Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 6
Пролог 7
Глава 1. Обычный день 9
Глава 2. Инцидент 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Данил Юрченко
По ту сторону схемы

Предисловие

Есть дела, которые заканчиваются в тот день, когда закрывается папка с документами.

Есть дела, которые продолжаются годами — в забытых архивах, старых протоколах, чужих воспоминаниях и вопросах, на которые никто не хочет отвечать.

А есть дела, которые никогда не должны были быть закрыты.

Эта история начинается с расследования. С обычной, на первый взгляд, работы людей, привыкших действовать там, где нет права на ошибку. Они умеют выполнять приказы, доверять напарникам и сохранять спокойствие в самые тяжёлые минуты. Но даже подготовка, опыт и дисциплина не могут защитить от всего, что скрывается за пределами операции.

Иногда самый опасный противник — не тот, кто стоит напротив тебя с оружием. Иногда он не оставляет следов, не произносит угроз и даже не знает, что однажды его имя окажется в материалах дела. Он может скрываться за цифрами, техническими отчётами, подписями и решениями, которые на бумаге выглядят вполне законно.

В этом и заключается сложность расследования: найти след недостаточно. Нужно понять, куда он ведёт. Отличить случайность от закономерности, посредника от организатора, доказательство от удобной версии.

Потому что ошибка в одном документе способна изменить судьбу человека. А одно неверное решение — позволить настоящим виновным остаться в тени.

В центре этой истории — группа, которая пытается распутать сеть, пережившую своё первое расследование. Чем дальше бойцы продвигаются, тем яснее становится: прошлое никуда не исчезло. Оно просто научилось прятаться лучше.

Но эта книга не только о преступлении и наказании. Она о цене правды. О доверии, которое проверяется в самый неподходящий момент. О людях, которые продолжают делать свою работу, даже когда понимают, что победа не вернёт потерянного и не исправит всего, что было сломано.

Здесь не будет лёгких ответов. Не каждый след приведёт к виновному. Не каждый виновный окажется там, где его ищут. И не всякая победа будет похожа на победу.

Но если однажды кто-то решит, что дело можно закрыть, потому что так удобнее, всегда должен найтись человек, который задаст ещё один вопрос.

Иногда именно с него всё начинается.

Потому что за каждой схемой есть люди. А по ту сторону схемы — правда, которую кто-то очень хотел оставить скрытой.

Пролог

Три года назад.

Дождь шёл третий день подряд. Он не был ливнем, который сбивает с ног, а именно тем, что пробирается под воротник, оседает каплями на прицеле и делает бетон одинаково серым, куда не посмотри. Мы стояли у панельной девятиэтажки на окраине, и даже бронежилеты казались тяжелее обычного.

Я тогда был старшим группы, но ещё не командиром. Командиром был майор Громов – спокойный, неторопливый, будто всё уже видел и знал, чем закончится любой день. Он стоял у машины, смотрел на окна третьего этажа и говорил негромко, как будто не для нас, а для себя:

— Не геройствуйте. Если что не так – стоп. Сначала порядок, потом скорость. Порядок – это и есть скорость.

Мы кивали, но в голове у каждого было своё. У меня – что сегодня всё пройдёт чисто, как на учениях, только с настоящими дверями и настоящими людьми внутри.

В квартире на третьем этаже двое: отец и сын. Отец – бывший сотрудник, ушёл со службы после конфликта, потом пропал из поля зрения, а теперь всплыл в оперативных сводках как связующее звено в цепочке поставок. Сын – восемнадцать лет, в базе пока чистый, но рядом с отцом крутится плотно.

План был простой: вход через парадную дверь, второй выход перекрыт, на крыше прикрытие. Четыре минуты на зачистку, потом работа следственной группы.

Громов кивнул, и мы пошли.

Дверь выбили на второй удар. Я вошёл первым, держа сектор. Коридор, слева кухня, справа комната. В комнате – силуэт у окна. Высокий, знакомый профиль.

— Стоять! На пол! – голос Лёхи, он был вторым.

Отец не послушался. Не бросился, не выхватил оружие – просто шагнул вперёд, будто хотел что-то сказать, и в этом шаге было столько усталости, что я на секунду замешкался.

А потом он дёрнулся. Не к нам – к сыну, который стоял в углу, сжавшись, будто хотел стать меньше. И вот эта попытка защитить сына, эта секунда, когда он закрывал его собой, — она сбила прицел.

Выстрел прозвучал не с нашей стороны. Он был одиночный, резкий, как удар молота по стеклу. Отец осел, не издав ни звука. Сын закричал – не от боли, а от того, что мир вдруг стал слишком громким и слишком быстрым.

Я помню, как Громов вошёл в комнату. Спокойно, без суеты. Он не смотрел на отца. Он смотрел на сына.

— Ты цел? – спросил он. – Посмотри на меня. Ты цел.

Сын кивал, но не слышал. Он всё ещё кричал внутри, и этот крик был громче любого выстрела.

Потом были протоколы, понятые, опись, фотофиксация. Всё по порядку. Громов ходил по комнате, отмечал детали: открытая папка на столе, флешка в кармане куртки, телефон на зарядке. Он сделал это так, будто от этих мелочей зависела не просто улика, а чья-то жизнь.

Криминалисты начали с общего плана: вспышка, ещё вспышка. Потом – крупный план стола. Папка была тонкая, без надписей, но внутри – не документы, а распечатки скриншотов чатов. На каждом – дата, время, ник, и рядом – короткие коды: «Узел – 7», «Транзит — 12», «Резерв – 3».

— Это не просто переписка, — тихо сказал Громов, глядя на листы. – Это маршрутизация. Кто-то ведёт учёт ячеек.

Флешка была маленькая, чёрная, без маркировки. Её положили в антистатический пакет, опечатали, подписали: дата, время, место, кто обнаружил. В описи указали «USB – накопитель, объём неизвестен, без внешних повреждений, обнаружен в левом кармане куртки».

Телефон вскрыли, сняли дамп. Там – контакты, но без имён, только ID. И один чат, где последние сообщения – про «смену локации» и «перезагрузку узла».

Когда мы вышли, дождь уже почти закончился. Капли стекали с козырьков, падали на асфальт. Громов остановился, посмотрел на меня.

— Видел? – спросил он тихо. – Он не геройствовал. Он просто хотел защитить сына. А мы – просто делали свою работу. Но работа должна быть правильной. Потому что если мы ошибёмся, защищать будет некому.

Я кивнул. Не потому что понял всё до конца, а потому что знал: он прав.

Через неделю Громова не стало. Не в перестрелке, не в засаде – в обычной аварии на трассе, когда он ехал на дачу к матери. Обычная авария, обычный день, обычная дорога. И вдруг – никого.

После этого я стал командиром. И первое, что я сделал, — запомнил его слова: «Порядок – это и есть скорость».

Ещё одно: не геройствовать. Потому что героизм – это когда кто-то другой платит за твою ошибку.

Глава 1. Обычный день

Утро началось с разбора предыдущей операции. Я стоял у доски в кабинете брифингов, и на листах были прикреплены фотографии: план квартиры, схема входа, тайминг. Тот самый адрес на Лесной, где позавчера взяли двоих – хранение и сбыт. Чисто, без выстрелов, без раненых. Но с ошибками.

— Ваня, — я постучал ручкой по таймингу. – Сколько времени от выбивания двери до полного контроля?

— Две минуты сорок секунд, — он ответил быстро, без паузы. Знает, что я спрашиваю не из любопытства.

— А по плану?

— Две минуты.

— Сорок секунд лишних. Куда ушли?

Ваня помолчал. Посмотрел на схему.

— Замок оказался сложнее. Два ригеля, не один. Таран не взял с первого удара.

— А запасной вариант?

— Не сработал. Кусачки были, но петли – скрытые, внутренние. Не добрались.

Я кивнул. Не потому что это оправдание – потому что это причина. Разница важная: оправдание – это «не виноват», причина – это «вот что случилось и вот почему». Оправдания я не слушаю. Причины – фиксирую.

— В следующий раз: если замок не поддаётся с первого удара – не тратим время на таран. Сразу – болгарка, режем петли или ригель. Три секунды, не сорок. Вопросы?

Тишина. Вопросов нет.

Лёха сидел в углу, молчал. Он всегда молчит на разборках – не потому что ему всё равно, а потому что он запоминает. Потом, на операции, делает ровно так, как разобрали. Лучше – не делает. Точно – делает.

— Второе. Петька, ты страховал сектор справа. После входа – куда смотрел?

— В глубину коридора, — Петька чуть покраснел. Он молодой, но не любит ошибаться. – По схеме – там был тупик.

— По схеме. А в реальности?

— В реальности – ниша. Дверь в нише. Я не учёл.

— Вот. Схема – это схема. Глаза – это глаза. Схему сверяешь с глазами на каждом шаге. Если расхождение – докладываешь, не молчишь. Если бы за той дверью стоя вооружённый – ты бы узнал об этом последним.

Петька кивнул. Краснеть перестал. Запомнил.

Я закрыл папку, включил проектор.

— Разбор окончен. Свободны до четырнадцати. В четырнадцать ноль-ноль – построение, получение задачи.

Бойцы вышли. Ваня задержался у двери.

— Командир, — сказал он тихо. – Я не туплю. Просто замок…

— Я знаю, — сказал я. – Поэтому и разбираем. Не для того, чтобы ты чувствовал себя виноватым. Для того чтобы в следующий раз было две минуты, а не две сорок.

Он кивнул и вышел.

Я остался один. Сел на край стола, посмотрел на доску. Фотографии, схемы, тайминг. Обычный день. Обычная операция. Обычные ошибки, которые в другой день могли стоить жизни.

Три года назад Громов говорил: «Порядок – это и есть скорость». Я тогда думал, что понимаю. Теперь знаю: понимаю. Но каждый раз на разборах вижу, что между «понимать» и «делать» — пропасть. И моя работа как командира – застроить эту пропасть.

Телефон зазвонил. Номер – оперативный дежурный.

— Слушаю. – Командир, — голос дежурного ровный, но я уловил напряжение. – Есть вводная. Нужна ваша группа. Не срочно, но… странно. Подъезжайте, я объясню на месте.

— Что за вводная? – Оперативники из угрозыска работали по своему направлению – хранение. Обычный адрес, обычные подозреваемые. Но при обыске нашли кое-что, что не вписывается. Они сами не знают, что с этим делать. Просят спецназ на оценку. – Что нашли? Пауза. – Лучше покажу. Приезжайте.

Я положил трубку. Посмотрел на часы. Тринадцать двадцать. До построения – сорок минут. Хватит, чтобы съездить, посмотреть и вернуться.

— Лёха, — позвал я. – Со мной. Едем.

Глава 2. Инцидент

Адрес оказался на той самой окраине, где три года назад мы брали квартиру с отцом и сыном. Совпадение, которое мне не понравилось. Не потому что я верю в знаки, а потому что в нашей работе совпадения – это обычно закономерности, которые мы ещё не увидели.

Двухэтажный дом, частный сектор. Серый, с облупившейся штукатуркой, окна на первом этаже закрыты ставнями. У ворот – оперативная машина и «буханка» криминалистов.

Нас встретил капитан Рудаков из угрозыска – плотный, с короткой стрижкой и глазами, которые смотрели так, будто уже устали от того, что увидел.

— Вот, — сказал он, кивнув в сторону двери. – Идёмте. Только… готовьтесь. Не к трупам. К другому.

Мы вошли. Прихожая, узкий коридор, кухня слева. Обычная обстановка: стол, два стула, чайник на плите. На столе – пачка сигарет, зажигалка, телефон. Ничего необычного.

— Это не здесь, — сказал Рудаков. – Это в подвале.

Лестница вниз. Семь ступеней, бетон, пахнет сыростью. Я уже слышал этот запах. Три года назад – тот же.

В подвале – две комнаты. Первая: пустая, только матрас на полу и старый холодильник в углу. Вторая…

— Вот, — Рудаков остановился в дверях. – Мы обыскивали по материалам хранения. Думали – схрон с товаром. А нашли вот это.

Я вошёл.

Комната три на четыре. Вдоль левой стены – стол, на нём два монитора, системный блок, клавиатура. Оба монитора выключены, но системник гудит – работает. На правой стене – полка, на ней аккуратно сложены картонные папки, штук пять, все без надписей. В углу – камера на штативе. Объектив направлен в угол комнаты, где на полу лежал матрас.

Я остановился. Не от неожиданности – от узнавания. Три года назад – в той квартире – была похожая картина. Но тогда мы нашли только распечатки и флешку. Здесь – оборудование, папки, камера. Это уже не «звено». Это – рабочий узел.

— Кто тут жил? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Двое. Один – местный, тридцать два года, был судим за хранение, мелкий. Второй – приезжий, без документов. Установили по отпечаткам. Гражданин соседнего государства, в розыске не числится, но оперативная разработка по нему уже идёт. – Они здесь? – Задержаны. Сидят в соседней комнате под конвоем. Молчат.

Я кивнул. Подошёл к столу. Посмотрел на системник. Не трогал.

— Выключали? – Нет, — Рудаков покачал головой. – Мы – нет. И вам говорю: не трогайте. Тут киберребята должны посмотреть. – Уже вызвали? – Да. Ждём.

Я повернулся к полке с папками. Пять штук. Тонкие, картонные, без надписей. Но когда я присмотрелся, увидел: на корешке каждой – мелкая надпись от руки. Маркером. Номера.

«Узел – 7».

Сердце замерло. Не от страха – от узнавания.

Три года назад, в той квартире, в кармане куртки отца, мы нашли флешку и распечатки с кодами: «Узел – 7», «Транзит – 12», «Резерв – 3». Тогда Громов сказал: «Это не просто переписка. Это маршрутизация. Кто-то ведёт учёт ячеек».

Теперь, три года спустя, в подвале другого дома – папки с тем же кодом.

— Рудаков, — я повернулся. – Эти папки – не трогать. Вообще. До приезда кибергруппы и следователя. Это… связано с другим делом. Трёхлетней давности. Рудаков поднял бровь.

– С каким? – Я потом объясню. Сейчас – оцепление, никого не пускать, ничего не трогать. Понятые? – Ждут наверху. – Хорошо. Пусть ждут. Мне нужно позвонить.

Я вышел на улицу. Набрал номер Кравцова – следователя из прокуратуры. Того самого, с портфелем.

— Кравцов. Нужно на адрес. Сейчас. – Что там? – Подвал. Оборудование, сервер, папки. И связь с делом Громова. Трёхлетней давности. Пауза. Долгая. – Еду.

Я положил трубку и посмотрел на дом. Серый, облупленный, с закрытыми ставнями. Обычный дом на окраине. Но внутри – узел сети, который работает уже как минимум три года. Который пережил потерю одного звена- отца из той квартиры – и не остановился. Наоборот – вырос.

«Это один узел. Сеть – знаете, какая?»

Эти слова я ещё не слышал – прозвучат позже, во дворе, после штурма. Но сейчас, стоя у этого дома, я уже чувствовал: да, знаю. И она шире, чем я думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.